

М. П. САДОВСКИЙ— БЕЛЛЕТРИСТЪ.

Быль моментъ, и онъ еще у всѣхъ на памяти, лѣтъ десять, двѣнадцать назадъ, когда литературная критика вдругъ заговорила о новомъ талантѣ, въ которомъ почудилось что то, не то чтобы новое, а хорошо знакомое, но давно забытое.

Это былъ покойный М. П. Садовскій, выпустившій въ 1899 г. двѣ книжки своихъ разсказовъ. Собственно говоря, это маленькое волненіе въ сферахъ критики, вызванное двумя книжками разсказовъ, было довольно странное и запоздалое, такъ какъ М. П. Садовскій писалъ уже давно и не присяжнымъ критикамъ слѣдовало бы дѣлать большіе глаза при появленіи старыхъ разсказовъ въ новой обложкѣ. Но работа въ сторонѣ отъ большой литературной дороги, сотрудничество въ реакціонномъ „Русскомъ Вѣстникѣ“ время „Берга, въ станѣ облинявшихъ эпигоновъ Каткова—закрыло имя М. П. Садовскаго отъ взоровъ широкой литературной публики. И только появленіе разсказовъ въ собранномъ видѣ заставило критику замѣтить какой сочный и колоритный языкъ, какая зоркая наблюдательность и какой интересный и своеобразный кругъ явленій обнаруживаетъ этотъ авторъ, доселѣ совершенно не замѣчаемый критикой.

Среда, которую избралъ М. П. Садовскій для художественнаго изображенія, не представляла для читателей чего либо новаго. Міръ этотъ неоднократно изображался въ русской литературѣ такими крупными писателями, какъ

Островскій, Левитовъ, Слѣпцовъ, Горбуновъ и др. Это все то же „темное царство“ замоскворѣцкаго купечества, бѣдныхъ разночинцевъ, мелкихъ лавочниковъ, пьяныхъ ремесленниковъ со Срѣтенки и ея переулковъ, праздныхъ гулякъ Екатерининскаго парка,—словомъ, знакомый міръ захолустной обывательщины. И въ разсказахъ М. П. Садовскаго „Дикій человекъ“, „Счастливецъ“, „Вредный членъ“, „Страница изъ жизни одного города“, „Преступленіе“ и др.—вы видите, какъ этотъ захолустный обыватель тянетъ свою обыденку, торгуется и плутуетъ, парится въ банѣ, читаетъ „Листокъ“, ведетъ никчемные, пустые и праздные разговоры, и иногда только вырвется изъ своей сонной дури и гдѣ-нибудь въ „Гѣстовскомъ“ трактирѣ, подъ музыку органа и за закуской проявляетъ свою „натуру“. Не широка была сфера наблюденій у покойнаго артиста и беллетриста. Это тотъ житейскій мусоръ, тотъ „фламандскій соръ“, который только гениальнымъ художникамъ удается возвести въ перлъ созданія.

М. П. Садовскій не былъ первокласснымъ писателемъ, но прекрасное знаніе быта и великолѣпный, живой и образный языкъ, усвоенный имъ благодаря своему знаменитому отцу и близости къ Островскому,—дали ему возможность рисовать яркія и колоритныя „картинки жизни“ и давать жизненные и подлинныя типы. У покойнаго артиста было много поклонниковъ, именно, его литературнаго таланта. И къ такому вымъ принадлежалъ, между прочимъ, такой знатокъ русскаго народнаго быта, какъ покойный государственный контролеръ и другъ писателей Тертій Ивановичъ Филипповъ. И дѣйствитель-